

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ

ТАЙНЫ ЕГИПЕТСКОГО ПОХОДА • НЕЗАДАЧЛИВЫЙ «ВИНОВНИК»
ТРАФАЛЬГАРСКОЙ КАТАСТРОФЫ • ИСПАНСКИЙ ПАСТУХ НА ПУТИ
«ВЕЛИКОЙ АРМИИ» • БОРОДИНО И СОЖЖЕННАЯ МОСКВА:
ПОБЕДА ИЛИ ПОРАЖЕНИЕ? • ГРУШИ, «ОБЕРНУВШИЙСЯ» БЛЮХЕРОМ

Загадки истории (Фолио)

Валентина Склярeнко
Наполеоновские войны

«ОМІКО»

2012

Скляренко В. М.

Наполеоновские войны / В. М. Скляренко — «ОМІКО»,
2012 — (Загадки истории (Фолио))

Наполеона, как правило, ставят в один ряд с такими полководческими гениями, как Александр Македонский и Юлий Цезарь. Но, с другой стороны, его часто называют предтечей антихриста и сравнивают с Адольфом Гитлером. Так что же двигало этим человеком, на совести которого более десяти войн, названных его именем и унесших множество человеческих жизней? Что представляли собой эти войны: разрушали старый феодальный мир и служили делу построения новой Европы или просто удовлетворяли ненасытное честолюбие и жажду власти человека, которого сначала называли "маленьким капралом" Буонапарте, потом генералом Бонапартом и, наконец, императором Наполеоном I?

© Скляренко В. М., 2012

© ОМІКО, 2012

Содержание

От авторов	5
Тайны египетского похода	7
Генерал в мантии академика	7
От замысла к воплощению	9
«Я смел взять, и я взял»	12
Стремительный захват Александрии	14
Путь через африканский ад	16
Трехцветное знамя над пирамидами	18
Гибель эскадры в Абукирском заливе	21
«Мы здесь надолго. Возможно, навсегда»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

В. М. Скляренко, И. А. Рудычева, В. В. Сядро Наполеоновские войны

От авторов

Сегодня имя Наполеона, говоря словами его лучшего биографа Альберта Манфреда, «ассоциируется с безмерным честолюбием, с деспотической властью, с жестокими и кровавыми войнами, с ненасытной жадой завоеваний. Оно рождает в памяти ужасы Сарагосы, ограбление поработенной Германии, вторжение в Россию. Но оно же напоминает о смелости и отваге, проявленных в сражениях при Монтенотте, Арколе, Лоди, о таланте, умевшем дерзать, о государственном деятеле, нанесшем сокрушительные удары старой, феодальной, рутинной Европе». Сам же император писал о своих деяниях так: «Моя жизнь чужда злодейства; не было за все мое правление ни одного действия, за которое я мог бы ответить на суде, говорю это без стыда, но даже с некоторой для себя честью... В жизни моей, конечно, найдутся ошибки, но Арколь, Риволи, пирамиды, Маренго, Аустерлиц, Йена, Фридланд – это гранит: зуб зависти с этим ничего не поделает». Заявление, конечно, не бесспорное: можно ли считать безгрешной жизнь человека, ставшего основной движущей силой более десяти войн, названных его именем и унесших множество человеческих жизней не только среди военных, но и гражданского населения на трех континентах?

Тем не менее, нельзя не признать полководческий гений Наполеона, благодаря которому он в течение двух десятилетий оказывал огромное влияние на ход политической и военной жизни в Европе. Считается, что лучшей характеристикой ему стали слова Стендаля: «Этот человек, наделенный необычайными способностями и опаснейшим честолюбием, самый изумительный по своей даровитости человек, живший со времен Юлия Цезаря, которого он, думается нам, превзошел. Он был скорее создан для того, чтобы стойко и величаво переносить несчастья, нежели для того, чтобы пребывать в благоденствии, не поддаваясь опьянению». Не менее метким было и определение А. Манфреда, который заметил: «Наполеон Бонапарт был сыном своего времени и запечатлел в своем образе черты своей эпохи».

Историки по сей день спорят о причинах возникновения наполеоновских войн, высказывая самые разные мнения. Одни считают их плодом непомерного честолюбия Наполеона, позволившего ему возвыситься от полководца до императора Франции, основателя новой царствующей династии. Из 52 лет своей жизни он более двадцати провел в военных походах, и за это время война, по сути, превратилась для него в образ жизни. В ней он мог не только в полной мере проявить присущий ему полководческий талант, но и, подчиняя своей воле огромное количество людей, по-настоящему ощутить вкус власти над ними, почувствовать себя избранником Судьбы и поверить в свою Звезду (эти слова Наполеон всегда писал с большой буквы). Вот как пишет об этом военный историк В. В. Бешанов в своей книге «Шестьдесят сражений Наполеона»: «За 22 года его долгой кровавой карьеры, от Тулона до Ватерлоо, он дал больше сражений, чем любой из... военных гениев, и в этих битвах участвовали огромные людские массы, гораздо большие, чем в войнах его предшественников. Он дошел до той грани, когда военными действиями (от распределения пищевых рационов до принятия стратегических и дипломатических решений) мог руководить один человек, и то лишь такой, как он». Другие исследователи усматривают в этих войнах лишь превентивный ответный удар с его стороны в отношении некоторых европейских держав, стремившихся низвергнуть «корсиканского выскочку». Но такое объяснение, на наш взгляд, носит слишком субъективный характер

и вовсе не отражает суть тех процессов, которые происходили на европейской международной арене в конце XVIII – начале XIX столетия.

Предположения о том, что эти войны стали продолжением идеологической борьбы Французской революции со старым режимом или, может быть, следствием англо-французского экономического и торгового соперничества, гораздо больше соответствуют политическим и экономическим взаимоотношениям Франции и других стран Европы в тот период. Однако и с ними можно согласиться лишь отчасти. То, что идеологический момент (особенно со стороны Англии) в развязывании военных действий присутствовал, конечно, сомнений не вызывает, взять хотя бы, к примеру, лишь одно из высказываний тогдашнего британского премьер-министра У. Питта Младшего, который во всеуслышание объявил Наполеона «последним авантюристом в лотерее революции». Но экономическое превосходство Британии над Францией все же можно считать более весомым фактором.

По мнению же английского историка Чарльза Дж. Исдейла, тщательно исследовавшего все возможные причины возникновения наполеоновских войн, «утверждать, что без Наполеона первые 15 лет XIX века были бы периодом абсолютного мира», нельзя. Ведь, по его словам, «Франция вышла из революционного десятилетия с сильно увеличившейся за счет аннексии Бельгии, левого берега Рейна, Савойи и Ниццы территорией, располагая значительным влиянием за пределами новых границ, с армией, сильно выросшей в результате введения воинской повинности, сокращению которой мешала чрезвычайно опасная экономическая ситуация». Особый акцент Ч. Исдейл делает на том, что во Франции «образовалась мощная группа, интересы которой были связаны с войной. В центре ее стояли молодые, честолюбивые генералы, получившие в связи с военным положением по существу неограниченные преимущества, а по слабости Директории и необычайное влияние в Париже». Одним из таких успешных и честолюбивых генералов и был Наполеон, который, по словам Исдейла, если и «не хотел завоевать весь мир, но и не мог жить с ним на равных». После своего первого триумфального Итальянского похода 1796–1797 годов он через год возглавил новую военную экспедицию – самую экзотическую и экстравагантную из всех – в Египет.

Тайны египетского похода

Генерал в мантии академика

Декабрь 1797 года подвел черту под одним из первых этапов восхождения Наполеона Бонапарта на олимп воинской славы – победоносным Итальянским походом. 10 декабря 1797 года правительством Французской Республики в Люксембургском дворце был организован торжественный прием в честь его триумфального возвращения на родину после подписания мирного договора в Кампоформии, положившего конец пятилетней войне между Австрией и Французской Республикой.

В те дни молодого генерала называли не иначе как храбрецом и миротворцем. На улицах французской столицы его приветствовали несметные толпы народа, а во дворце пышными речами встретили пять членов Директории. Особенно усердствовал в восхвалении его заслуг Баррас, по словам очевидца, бросившийся даже «в объятия генерала, который вовсе не любил таких выходов и дал ему так называемое тогда братское лобызание». Многие влиятельные политики искали встречи с ним, но он не принял большинства приглашений, сделав исключение лишь для Шарля Мориса Талейрана, бывшего епископа Отенского. Такое поведение было продиктовано вовсе не гордыней или тщеславием. Несмотря на молодость генерал уже хорошо знал цену хвалебным речам политиков и понимал, что вскоре они закончатся, поскольку его возраст и нежелание Директории принять его в свои ряды закрывают ему путь к настоящей политической деятельности. «У Парижа нет памяти, – справедливо считал Наполеон. – Если я долго пробуду в бездействии, я пропал – здесь одна слава вытесняет другую.

Мне нельзя здесь оставаться».

Тем не менее, одно событие во время его короткого пребывания в столице стало для него весьма знаменательным, нашедшим впоследствии свое отражение как в организации египетской военной кампании, так и в последующем управлении завоеванными им восточными территориями. 25 декабря 1797 года Национальный институт – высшее научное учреждение Республики – избрал его в число своих академиков, так называемых «бессмертных». Значимость этого почетного звания усиливалась еще и тем, что он стал победителем в серьезной борьбе среди одиннадцати конкурентов, баллотировавшихся по тому же отделению физико-математических наук секции механики.

Надо заметить, что, будучи способным математиком, Наполеон всегда отдавал предпочтение точным наукам, которые, по его мнению, могли приносить быстрые и ощутимые практические результаты. Неслучайно мысль о том, что «военная наука и искусство состоят из всех наук и искусств», будет впоследствии даже зафиксирована в первой прокламации его правительства, обращенной к французской армии и народу Египта. И подпишет ее он не как генерал, а как «член Национальной академии»: этот титул был для него важнее воинского. По словам

А. Манфреда, автора одной из лучших монографий когда-либо написанных о нем, «из всех наград и отличий, выпавших на долю Наполеона, избрание в Институт доставило ему наибольшее удовольствие».

После избрания в Национальный институт генерал Бонапарт становится активным исследователем, хотя ведет себя подчеркнуто скромно. Он семнадцать раз присутствует на заседаниях этого учреждения, готовит доклады о различных научных открытиях и даже подготавливает сообщение о новой книге об использовании компасов в геометрии Лоренцо Маскерони, опубликованной в Италии. В своем замке Момбелло под Миланом Наполеон неоднократно встречается с итальянскими и французскими учеными и деятелями искусств, многие из которых впоследствии примут участие в его египетской экспедиции.

Но, несмотря на чрезвычайную восприимчивость Бонапарта к научным открытиям, как показала его военная практика, достаточного внимания прогрессу вооружений он почему-то не уделял. Известно, что генерал отказался от парохода, как способа высадки в Англии, от воздушных шаров от аэростатов-разведчиков и оптического телеграфа для связи, а под Ватерлоо использовал пушки, которые по сравнению с английскими были изделиями вчерашнего дня. Эту загадочную консервативность полководца не могут объяснить и поныне. По мнению французского историографа Жана Тюлара, Наполеон просто «не видел возможности применения научных открытий, доказав это во время египетской кампании». Так ли это, сказать трудно, поскольку условия, в которых проходила военная экспедиция в Египте, невозможно сравнить ни с какими другими. И то, что плохо для Востока, может быть приемлемо на Западе.

Но вернемся к 1798 году. Не привыкшего к бездействию молодого генерала беспокоили тревожные мысли. Время шло, общественный интерес к нему начинал ослабевать, а будущее оставалось туманным. Не вносило ясности и успокоения и назначение его главнокомандующим 120-тысячной Английской армией, состоявшееся еще за полтора месяца до его возвращения в Париж. Хотя сама мысль о десанте в Англию или, для начала, в Ирландию была, конечно, соблазнительной, но Наполеон отдавал себе отчет в огромной трудности такого предприятия. Поэтому, прежде чем приступить к его выполнению, он решил лично убедиться в готовности своей армии. Особенно его беспокоило состояние французского флота. Выехав инкогнито 8 февраля 1798 года на западное побережье страны, генерал самым тщательным образом изучил перспективы военных операций против Англии и пришел к неутешительным выводам: успех десанта ни в военно-морском, ни в финансовом отношении был не обеспечен. И тогда он сделал категорический вывод: «Это предприятие, где все зависит от удачи, от случая. Я не возьмусь в таких условиях рисковать судьбой прекрасной Франции».

Отказ генерала от высадки на Британские острова стал последней каплей, доведшей до высшей точки кипения его отношения с членами Директории. Один из них, Ребель, заявил, что Директория готова подписать заявление Бонапарта об отставке с поста командующего армией вторжения на Британские острова, если он подаст таковое. Казалось бы, все зашло в тупик. Но вскоре конфликт разрешился самым неожиданным образом. Оказалось, что Наполеон вовсе не собирается отказываться от планов овладения единственным непобежденным врагом Французской Республики, только удар по Англии он считает необходимым нанести вдали от Британских островов – в далеком Египте. Да-да, теперь он знает, где его ждет очередная победа: Египет и Институт – вот в чем он обретет новую точку опоры!

Бонапарту довольно легко удалось убедить Директорию дать ему флот и армию для египетской экспедиции. С одной стороны, по ряду экономических и военно-политических причин «директоры» сами видели в ней смысл и пользу. С другой стороны – предстоящая экспедиция являлась далекой и опасной, а это было им на руку: появилась возможность отослать надолго из Франции такого опасного для них человека, как Бонапарт, который уже «разучился повиноваться». Их устраивал любой исход операции: вернется с победой – и им хорошо, ведь это они его туда отправили, ну, а если не вернется – тоже неплохо. Так генерал невольно сам спровоцировал «друзей из Директории» на осуществление египетской авантюры.

От замысла к воплощению

Между тем замысел о нанесении удара по Англии в зоне Средиземноморья и Египта Наполеон вынашивал еще с лета 1797 года. Он был далеко не первым, кому пришла в голову эта идея. По словам Манфреда, «с того времени как Лейбниц подал Людовику XIV совет овладеть Египтом, идея эта на протяжении всего XVIII столетия не переставала занимать государственных деятелей и некоторых мыслителей Франции». Проанализировав все эти многочисленные проекты и планы, французский историк Франсуа Шарль-Ру утверждал, что «если инициатива египетской экспедиции должна быть разделена в неравной доле между Талейраном, Бонапартом и Директорией, то идея ее никак не может быть им приписана. Эта идея не родилась в законченном виде в человеческом мозгу, она была плодом длительного развития...» И имела она под собой прочную экономическую основу, поскольку усиление позиций Франции в Египте полностью отвечало задачам французской колониальной политики. Ведь захват Англией ряда французских колоний (Мартиники, Тобаго и др.) фактически привел к почти полному прекращению колониальной торговли. Поэтому Талейран видел в завоевании Египта возможное возмещение понесенных Францией потерь. Кроме того, не имея возможности нанести Англии прямой удар, можно было, захватив Египет, помешать британцам использовать дорогу в Индию через Суэцкий перешеек – и одновременно превратить Египет в базу для поддержки турецкого султана, номинального суверена страны. А упадок Османской империи, владевшей им, придавал вопросу о так называемом «турецком наследстве» особую остроту. Таким образом, грызня за овладение лакомой египетской костью становилась еще одним предметом спора в давнем соперничестве Англии и Франции.

В этих условиях, по мнению А. Манфреда, «в самой идее египетской экспедиции не было ничего ни загадочного, ни необычайного». Загадку историк усматривает в ином: «Труднообъяснимо другое: как мог Бонапарт, отказавшийся от вторжения на Британские острова ввиду неоспоримого превосходства Англии на море, пренебречь этим же превосходством противника при решении вопроса о десанте на юге Средиземноморского побережья? Ведь если успех вторжения в Ирландию или в иной район Великобритании зависел всецело от “удачи”, от “случая”, так как французский флот был много слабее английского, то при экспедиции в Египет, когда тихоходным французским кораблям пришлось бы преодолевать большее водное пространство, роль “удачи”, “случая” для успеха предприятия была не меньшей, она возрастала. Но в первом варианте Бонапарт считал, что при столь малых шансах он не вправе “рисковать судьбой Франции”, во втором, хотя шансы оставались столь же ничтожны, если не меньше, он решился на действия. Как это объяснить?»

Ответить на этот вопрос непросто. Большинство политиков и даже часть участников египетской экспедиции хорошо понимали ее крайнюю рискованность. Так, Мармон, участвующий в подготовке к походу, писал: «Все вероятности были против нас; в нашу пользу не было ни одного шанса из ста... Надо признаться, это значило вести сумасбродную игру, и даже успех не мог ее оправдать». А вот как оценивал то, что Бонапарт предпочел египетский вариант английскому, Талейран: «Это предприятие независимо от того, удалось бы оно или потерпело неудачу, должно было быть неизбежно непродолжительным, и по возвращении он не замедлил бы очутиться в том самом положении, которого хотел избежать».

А что же сам Наполеон? Неужели его полководческое чутье отказало ему и он решился на рискованную египетскую авантюру из честолюбия или амбициозности? Есть несколько суждений по этому поводу. Наиболее убедительные доводы, объясняющие мотивы, которыми руководствовался Бонапарт, выбирая Египет, приводит все тот же А. Манфред. Прежде всего, он напоминает о том, что тот «по своему темпераменту, по жизненной выучке, по пройденной им политической школе революции был человеком действия». Не найдя общего языка с чле-

нами Директории и оказавшись в политическом вакууме, он не мог сидеть сложа руки. Единственным достойным делом могла бы стать высадка десанта на Британские острова, но, изучив все возможности ее проведения, он отверг этот план. При этом генерал руководствовался не тем, что операция была бы слишком кратковременной и безуспешной, а тем, что поражение в битве против Англии видела бы вся Европа. Именно это могло, по мнению Наполеона, иметь катастрофические последствия как для Французской Республики, так и для него самого. По сравнению с этим, пишет Манфред, «Египет, Восток – это все-таки была мировая периферия; что бы здесь ни случилось, это не будет иметь таких катастрофических последствий, как поражение в битве один на один против Англии».

К тому же Наполеон давно вынашивал мечту о походе на Восток. Как писал Мармон, Египет был его любимым детищем еще со времени Итальянской кампании. С ним он связывал поистине необозримые планы: надежду поднять греков на освободительную войну, вступление в сговор с индийскими племенами, которые должны были стать его союзниками против англичан, покорение Индии, а может, затем и Константинополя. В частности он говорил: «...господствуя в Египте, Франция господствовала бы и в Индостане». По мнению Наполеона, такое господство было бы благом и для местных жителей: «...несколько больших наций были бы призваны насладиться благами искусств, наук, религии истинного бога, ибо именно через Египет к народам Центральной Африки должны прийти свет и счастье!!!» Отправляясь в поход, Бонапарт определил и более конкретные планы и задачи предстоящей кампании: разрушить влияние Англии в Египте, прорыть Суэцкий перешеек и «освободить» африканцев от «тирании» мамелюков.

Так или иначе, но в Египетском походе было где развернуться честолюбивым помыслам и фантазиям Бонапарта! Недаром он сказал как-то одному из своих сподвижников, Бурьенну: «Европа – это кротовая нора! Здесь никогда не было таких великих владений и великих революций, как на Востоке, где живут шестьсот миллионов людей». Как справедливо заметил Манфред, «ради такого огромного, баснословного, фантастического выигрыша, рисовавшегося его воображению, – подняться выше Александра Великого! – он пошел на безмерный риск».

Но, отдавая себе отчет в грозящей им опасности в восточной операции, Наполеон принял необходимые меры для снижения ее риска. Вся подготовка к походу была строго засекречена. Никто, кроме самого узкого круга лиц, не знал о том, куда и зачем отправится экспедиция. Газеты в Европе намеренно распространяли о ней самые противоречивые сведения, в частности писали о том, что, пройдя Гибралтар, французские корабли повернут на запад. Дезинформация сработала: адмирал Нельсон сторожил французский флот у Гибралтара, в то время как тот отправился из тулонской гавани прямо на восток. Была предпринята и попытка отвлекающего маневра: после выхода флотилии из Тулона отряды под командованием генерала Эмбера высадили десант в Ирландии. А дипломатам лишь оставалось убедить турецкого султана в том, что французская экспедиция только укрепит авторитет Блистательной Порты.

Особое внимание уделялось отбору армейских подразделений, которые будут участвовать в походе. Вот что пишет об этом А. Манфред: «Тридцать восемь тысяч отборных солдат – каждый проверялся, артиллерия, снаряды, лошади, продовольствие, книги на сотнях транспортных судов двигались на восток, охраняемые конвойными кораблями. Лучшие генералы Республики, цвет французской армии – Клебер, Дезе, Бертье, Ланн, Мюрат, Бессьер, – ближайшие сподвижники Бонапарта – Жюно, Мармон, Дюрок, Сулковский, Лавалетт, Бурьенн – составляли окружение командующего Восточной армией. Вместе с военными ехали ученые – будущий Институт Египта, объединявший представителей всех отраслей науки, – прославленные Монж, Бертолле, натуралист Жофруа Сент-Илер, химик Конте, минералог Доломье, медики Ларрей и Деженетт, литераторы Арно и Парсеваль Гранмезон и другие».

Отдельно надо сказать и о времени экспедиции. Начало ее было намечено на май. Было еще не жарко, а сильные попутные ветры упруго надували паруса, благодаря чему флотилия

легко и быстро скользила по волнам. Правда, военные действия пришлось уже на жаркие летние месяцы. Для непривычных к восточному зною солдат это стало нелегким испытанием, но для противника опять же послужило отвлекающим маневром: никому и в голову не пришло, что в это время года французы отважатся сунуться в африканскую пустыню.

Довольно рискованным оказалось и то, что несколькими конвоям по пути следования предстояло объединиться в открытом море. Ведь любая ошибка могла сделать большую флотилию легкой добычей неприятеля, но этого, к счастью, не случилось: одна из очевидных слабостей грандиозного предприятия – рассосредоточенность морской армады – так и не была использована англичанами.

Не все в подготовке операции складывалось гладко: не всегда солдатами и матросами соблюдалась дисциплина, им задерживали выплату жалованья. Но самыми главными для сухопутного генерала Бонапарта стали проблемы с комплектацией судов экипажами. Оказалось, что две трети кораблей имели хороших командиров, а одной третью командовали люди, не способные к этому. Заведовавший морскими силами адмирал Брюэйс часто нарекал на то, что флот плохо оснащен. Бонапарт, не имевший знаний и опыта в морском деле, старался не вмешиваться в дела адмирала. Он лишь попросил его оборудовать ему хорошую кровать, «как для больного». Приказ был добросовестно выполнен: кровать стояла ножками на четырех подвижных шариках. По словам Бурьенна, это «делало для него менее чувствительною причиняемую качкою дурноту, коею он очень страдал».

Казалось бы, все уже было готово к походу, но тут случилось непредвиденное. Как вспоминал впоследствии Бонапарт, «когда все приготовления были закончены, произошел инцидент с Бернадотом в Вене, заставивший опасаться возобновления войны на материке. Отплытие армии было отложено на 20 дней, что поставило ее под угрозу. Тайна была раскрыта, и в Лондоне успели узнать о всех приготовлениях...» Нехитрые меры по дезинформации не смогли усыпить британскую разведку, агенты которой ухитрялись работать порой под самым носом у французских властей. Особенно показательна в этом отношении история с похищением из французской тюрьмы опаснейшего преступника – английского офицера Сиднея Смита, происшедшая примерно за месяц до отплытия французской флотилии. Он был освобожден жандармами якобы по приказу Директории. Позже выяснилось, что предъявленный приказ был фальшивым. Месяц спустя после бегства из тюрьмы Смит вместе с Ле Пикаром де Фелиппо, давним врагом Бонапарта, был уже в Англии и оказал существенную помощь ее военным силам.

Только 19 мая 1798 года флот Наполеона отплыл из Тулона. Он состоял из 350 больших и малых судов, которым предстояло с армией, артиллерией и огромными запасами пройти вдоль почти всего Средиземного моря, избежав при этом встреч с британской эскадрой. Все шло хорошо, если не считать того, что при выходе в море огромный, перегруженный флагман «Орион» задел дно. Некоторые увидели в этом плохую примету, но военная машина уже была запущена, и никто уже не мог ее остановить. А три недели спустя, 9 июня, французы были уже у берегов Мальты.

«Я смел взять, и я взял»

Мальта – неприступный остров-крепость с XVI века принадлежал ордену мальтийских рыцарей (иоаннитов). Обдумывая египетско-индийские проекты, Бонапарт определил его как один из важных пунктов на пути в Египет. Еще в 1797 году он предлагал Директории захватить остров. Поскольку две трети мальтийских рыцарей были французами, туда были направлены французские агенты, которым поручили путем подкупа подорвать орден изнутри. Но задуманное не удалось осуществить. По словам Бурьенна, «Бонапарт очень рассердился на людей, посланных из Европы для того чтобы это дело устроить; однако же один из них, г-н Доломье, раскаялся в принятом им на себя поручении...»

Прибыв к мальтийским берегам, генерал Бонапарт сразу потребовал от властей острова сдачи крепости Ла-Валетты. Главной причиной для захвата он назвал то, что Мальта отдалась под покровительство российского императора Павла – врага Франции, и это якобы «оскорбляло римско-католическую религию и клир».

Великий магистр ордена, португалец Гомпеш, настроенный проавстрийски, оказавшись в затруднительном положении, созвал совет. В его распоряжении находилось всего лишь 332 способных драться рыцаря, 3600 человек в гавани и 13 тысяч добровольцев. Этого было, конечно же, слишком мало для того, чтобы противостоять 38-тысячной Восточной армии Наполеона. Присутствовавшие на совете высказали разные точки зрения. Одни считали, что надо объявить тревогу и, поскольку у них есть неплохой арсенал и запас продовольствия на три года, упорно сопротивляться. Другие напоминали магистру, что их орден призван вести войну с турками, а не с христианами, и предлагали сдаться Наполеону. Этой точки зрения придерживался и командор, овернец Буаредон де Рансюэ, который прямо заявил, что не поднимет оружие против родной Франции. Но его вместе с другими французскими рыцарями арестовали и отправили в тюрьму. А те, кто решил сопротивляться захватчикам, взяли за оружие и распределились по островам, батареям и башням.

Тем временем Бонапарт потребовал пропустить корабли в порт и снабдить их пресной водой. Получив отказ, он высадился с отрядом в три тысячи человек между городом Ла-Валеттой и бухтой Святого Павла. Утром 11 июня 1798 года начался штурм городской крепости. Ее защитники поначалу упорно отстреливались и даже сделали отчаянную вылазку. Но большая часть рыцарей все же не захотела сражаться с французским войском. Поскольку силы противников были неравными, мальтийцы вынуждены были пойти на переговоры. Вот что пишет об этом автор книги «Тайны египетской экспедиции Наполеона» А. Ю. Иванов: «Ранним утром следующего дня представители великого магистра явились на борт «Ориона» с полномочиями, необходимыми для заключения соглашения о капитуляции. Во главе их был командор Буаредон де Рансюэ, освобожденный из тюрьмы (после чего, по словам Наполеона, народ носил его на руках, как триумфатора)».

После сдачи на милость победителю над Ла-Валеттой взвился французский флаг и остров был объявлен владением Французской Республики. Бонапарт подытожил это событие громкой фразой: «Я смел взять, и я взял». Он тут же упразднил Мальтийский орден, выслал с острова его членов и изъял принадлежавшие ему сокровища. По словам А. Иванова, «Бонапарт поступил с островом так, как он позднее будет обходиться со многими державами, городами и островами». За считанные дни он ввел на Мальте гражданский кодекс, отменил рабство, освободил всех турецких невольников, ликвидировал все феодальные права и привилегии, сформировал муниципалитеты, назначил судей, учредил начальные и средние школы. Не забыл генерал и о защите острова: комендантом его он назначает генерала Вобуа, в подчинение которому дается французский гарнизон из четырех тысяч солдат. В свободное от решения административных проблем время члены экспедиции наслаждались дарами Мальты. Сам Бонапарт гулял в «пре-

красно содержанных и украшенных великолепными апельсиновыми деревьями» садах великого магистра ордена, с удовольствием лакомясь их фруктами. Ровно через неделю, 16 июня, он снял флотилию с якоря и отправился к берегам Египта.

Между тем узнавший о захвате французами Мальты адмирал Нельсон немедленно бросился за ними в погоню. Но, как это ни парадоксально, именно эта поспешность и быстроходность британских кораблей помешали ему потопить флотилию Бонапарта еще на подходе к Египту. Вот как пишет об этом А. Манфред: «Адмирал так кипел желанием настигнуть и разгромить противника, что его эскадра, подняв паруса, промчалась по морю с такой быстротой, что опередила французов; ночью английские корабли пронеслись мимо медленно плывшей французской флотилии, проходившей севернее Крита. Эскадра Нельсона примчалась в Александрию, но там ни о Бонапарте, ни о французах вообще никто ничего не слышал. Английский адмирал решил, что французский флот направился к Александретту или Константинополю, и устремился туда». Эта цепь случайностей и ошибок спасла тогда наполеоновскую экспедицию, но британский флот мог вернуться в любое мгновение. И понимая это, Наполеон был уверен, что ему надо поспешить с захватом Александрии.

Стремительный захват Александрии

К знаменитому городу, основанному Александром Великим, французская флотилия из 293 кораблей и судов приблизилась вечером 30 июня. И хотя Брюэйс предлагал подождать до утра, Наполеон отдал приказ высаживаться немедленно. Свое решение он мотивировал так: «Адмирал, нам нельзя терять времени. Фортуна дает мне только три дня; если я ими не воспользуюсь, то мы погибнем».

Хотя при отсутствии противодействия со стороны египтян высадка была чисто технической операцией, проходила она нелегко и долго: лодки переворачивались, 20 человек утонуло, часть лошадей пришлось сбрасывать в море, а потом тащить их до земли за лодками. Только к восьми часам утра высадка была закончена и подразделения пехоты оказались в небольшом рыбацьем поселке Марабу, в нескольких километрах от Александрии. Сам Наполеон вступил на землю фараонов в час ночи 2 июля. Утром, рассмотрев город в подзорную трубу, он не стал дожидаться артиллерии и кавалерии, а построил пехотинцев в колонны и без единой пушки сразу бросил их на штурм города.

К вечеру 2 июля после нескольких часов перестрелки и дерзких атак, проведенных под руководством генералов Мену, Клебера и Бона, Александрия была взята. Во время ее штурма погибли 15 человек и 60 были ранены, в том числе и генералы Мену и Клебер.

О дальнейших шагах Наполеона можно узнать из рассказов очевидцев, в частности Бертье: «Как только Бонапарт сделался владельцем Александрии, так приказал транспортные суда ввести в порт города и приступить к выгрузке лошадей, амуниции и других предметов, на них находящихся». Затем последовала «продолжительная и трудная выгрузка с военных судов артиллерии», поскольку те не могли войти в порт и остановились на расстоянии от него.

Несмотря на сопротивление, оказанное французским войскам, город разграблен не был. Бонапарт, вообще считавший, что «грабеж обогащает немногих, бесчестит всех, уничтожает ресурсы и делает нашими врагами тех, чье благорасположение нам нужно», тем более не мог допустить осквернения любимого детища Александра Великого. У него были большие виды на этот город, который, по его мнению, при правильном управлении может достичь блестящего расцвета, что оставит далеко позади такие крупнейшие центры, как Париж, Лондон, Рим и Константинополь.

Во время пребывания в Александрии Наполеон занимался решением административных проблем и созданием системы управления. Обо всем этом А. Ю. Иванов пишет следующее: «Он быстро договорился с местными арабскими племенами. Их вожди подписали договор, по которому обязались держать открытой дорогу из Александрии в Даманхур для армии и отдельных лиц, представить в 48 часов 300 лошадей по цене в 240 ливров за животное и 500 дромадеров (одногогорбых арабских верблюдов) по цене в 120 ливров, сдать в наем тысячу быстрых верблюдов с погонщиками и вернуть взятых в плен французов. Бонапарт разделил с вождями трапезу и выдал задаток. Он провел в Александрии почти неделю и поручил шейхам и именитым гражданам “управление и суд”».

Захватив Александрию, Наполеон вторгся во владения египетских мамелюков (мамлюков) и решительно потревожил периферию Османской империи, каковою в то время являлся Египет. Но если турецкий султан отнесся к его экспедиции терпимо, то мамелюки, характеризовавшиеся современниками как люди «жадные, безбожные и мятежные», отдавать свою власть пришельцам не желали. Они и Порте подчинялись лишь формально. Мамелюки (что в буквальном переводе означало «невольники») поначалу были воинами-рабами, из которых в XIII веке состояла гвардия египетского султана. В 1250 году они свергли династию Айюбидов и основали свою – династию мамелюкских султанов, которая правила Египтом до завоевания его турками. Но, даже признав верховенство Турции и платя дань Константинополю, эта военно-

феодалная аристократия сохранила фактическое господство в Египте. Ко времени египетской экспедиции Наполеона страной правили два соправителя – Мурад-бей и Ибрагим-бей, с которыми французскому генералу еще предстояло встретиться.

Поскольку основное население страны составляли арабы, Бонапарт в поисках союзников решил сделать ставку именно на них. Поэтому в воззвании, обращенном к жителям Александрии, он заявил о том, что пришел в Египет, чтобы освободить арабов от угнетения беев-мамелюков, уверял в своем уважении к Корану и исламу. Такое же напутствие он дал и в обращении к своим солдатам: «Народы, с которыми вы будете в сношениях, магометане; их первая заповедь: нет Бога кроме Аллаха, и Магомет пророк Его. Не спорьте с ними; поступайте с магометанами, как поступали с евреями, как поступали с итальянцами; обращайтесь почтительно с их муфтиями, с их имамами, как обращались с духовными лицами других народов». Но если с отдельными членами верхушки арабской знати Бонапарту иногда удавалось находить взаимопонимание, то поддержки и опоры в народе страны, несмотря на проведение целого ряда смелых антифеодальных реформ, ему найти не удалось. Пройдет совсем немного времени, и он поймет, что социальные силы, которым в его грандиозных планах «освобождения Востока» придавалось не меньшее значение, чем пушкам и штыкам, не пойдут за его маленькой армией. Он окажется в чуждом восточном мире в социальном вакууме, и именно это, а не военные поражения станет главной трагедией его Египетского похода.

Но пока в «копилке» у генерала было уже две победы и счастливая случайность, позволившая ему избежать встречи с грозным британским флотом. Впереди была битва за Каир, но прежде чем захватить второй крупнейший город Египта французской армии предстоял двухнедельный изнурительный переход по раскаленным пескам Даманхурской пустыни, который можно было сравнить лишь с пребыванием в аду.

Путь через африканский ад

В то время как авангард генерала Дезе отправился к Даманхуру, армия Бонапарта, оставив раненого Клебера во главе 9-тысячного гарнизона, через три дня двинулась на Каир через пустыню. Она состояла из четырех дивизий под командованием генералов Ренье, Бона, Дюгуа и Виалья. Туда же по Нилу поплыли корабли контр-адмирала Перре, «отважного моряка из порта Сен-Валери-сюр-Сомм».

Переход через раскаленную солнцем безжизненную пустыню стал поистине чудовищным испытанием для французских солдат. В своих наглухо закрытых синих мундирах, обремененные оружием, ранцами, боеприпасами и различным добром, они брели, обливаясь потом и страдая от жажды, не понимая, зачем их забросили так далеко от Франции, в эти раскаленные пески, где нет и не может быть никакой добычи. «Куда он нас ведет? Ради чего все это? Надо быть безумцем, чтобы пускаться в такое предприятие!» – роптали солдаты и офицеры. От жары и жажды некоторые из них сходили с ума и кричали, как дети, другие нападали друг на друга. По свидетельству канонира Брикара, «жара заставляла их бросать трофеи, и немало было таких, кто не вынес испытания и пустил себе пулю в лоб». У многих сдавали нервы. На подходе к Даманхуру солдаты разных дивизий едва не перестреляли друг друга в ночной неразберихе. Даже генерал Дезе пришел в отчаяние. Он писал Бонапарту из Богагире: «Ради бога, не оставляйте нас в этом положении. Войско теряет бодрость и ропщет. Велите нам быстрее идти вперед или отступить: деревни не что иное, как опустошенные хижины».

Но Наполеон не придавал значения погоде в тех странах, где осуществлял свои великие проекты. И, планируя поход в Африку и Азию, вовсе не озадачивался тем, что боевые действия там придется на самые жаркие месяцы – июль и август. Он даже не подумал сменить солдатскую экипировку, а может, просто не успел это сделать

в связи с поспешностью подготовки экспедиции? Скорее же всего, руководствуясь тем, что «тот имеет право жертвовать чужими жизнями, кто своей не дорожит», он сам, стоически перенося все невзгоды пути, ожидал от своей армии такого же самопожертвования. Но уже через неделю в ее рядах созрел офицерский заговор. Его зачинщик, генерал Мирер, объявил Бонапарту ультиматум. Тот презрительно отверг его, и генерал застрелился.

Но не только адские погодные условия создавали трудности французам. В редких населенных пунктах, встречавшихся на их пути, они видели пустоту и ужасающую нищету. Здесь нельзя было достать ни воды, ни хлеба, ни вина. Уходя из своих домов, бедуины заражали или засыпали колодцы.

Опасность подстерегала французских легионеров на каждом шагу. Оказалось, что племена, подписавшие с Бонапартом договор в Александрии, получили «фетфу» от улемов и шейхов Каира, приказывавшую им взяться за оружие для защиты веры. Она была написана после того, как Ибрагим-бей, один из двух (вместе с Мурад-беем) «египетских дуумвиров», собрал на совет всю каирскую знать. Там были мамелюкские беи, улемы и другие вожди, на время забывшие про внутренние распри. Присутствовал турецкий наместник. Из своей резиденции в Гизе прибыл Мурад-бей, и именно его поставили во главе мамелюкского войска. Поэтому на всем пути следования по пустыне пешие колонны французов сопровождали арабские всадники. Они набрасывались, словно акулы, на отставших солдат, убивали их или уводили с собой. Так, во время стоянки под Даманхуром неосторожно удалившийся на сто шагов от передовых постов генерал Мюирер был пронзен бедуинскими копьями. Изредка мамелюки нападали на французских солдат из засад, а получив отпор, вихрем скрывались на своих великолепных конях от погони. Вот что В. В. Бешанов писал об арабских воинах: «Каждый воин-мамлюк был вооружен четырьмя пистолетами и холодным оружием. Все они были прекрасными наездниками и искусными противниками в рукопашной схватке. Одиночный французский улан, как правило,

проигрывал в сабельном бою такому воину. Но мамлюки не знали строя, военной дисциплины и не представляли себе возможностей регулярного войска. Они видели, что французская армия малочисленна, и Мурад-бей был уверен, что ему удастся легко разгромить завоевателей».

С многочисленной конницей мамелюков французы впервые столкнулись в сражении у Шубрахита. Каждый из этих всадников действительно был вооружен саблей, карабином, мушкетом, четырьмя пистолетами и обслуживался тремя-четырьмя пешими слугами. По обычаю, эти отважные воины-феодалы, угнетатели феллахов-землепашцев и арабов-купцов, носили с собой все свое золото и драгоценности, чтобы в случае гибели уйти на тот свет вместе с ними. Поэтому их ятаганы были усыпаны драгоценными камнями, а одежда изумляла роскошью.

Только утром 10 июля армия Наполеона достигла Нила у Рахмании. По словам А. Иванова, «люди – от солдата до генерала – бросились в реку, не снимая одежды». Но вместо полноводной реки перед ними оказался тщедушный ручеек, теплая и мутная вода которого вовсе не освежала. «И это – житница Рима и Константинополя? Немудрено, что и сам Египет, “дар Нила”, столь убог! Несколько человек умерли, выпив слишком много воды. Многие заболели дизентерией, наглотавшись арбузной мякоти». Ропот и недоумение в солдатских рядах возобновились. Поэтому Бонапарт терпеливо разъяснял своим солдатам, что «воды Нила, который в данный момент так мало соответствует своей репутации, начинают подниматься, и скоро он оправдает все, что они о нем слышали; что они становятся лагерем на копнах ржи, и скоро у них будут мельницы и печи; что эта земля, столь голая,

однообразная и печальная, по которой они передвигаются с таким трудом, скоро покроется нивами и даст обильный урожай, который напомним им о плодородии берегов По и о тамошнем изобилии; что у них есть чечевица, бобы, куры, голуби, что их жалобы преувеличены, что жара, без сомнения, чрезмерна, но станет переносимой, когда они будут на отдыхе и переформировании; что во время Итальянских кампаний переходы в июле и августе также были весьма утомительными».

Впервые армия с недоверием отнеслась к словам своего вождя. А. Иванов пишет: «Куры и голуби? Он в самом деле думает накормить ими многотысячную армию? Зачастую он сам съедает на обед лишь тарелку чечевицы. Генералы и офицеры возмущаются пущей солдат. Наполеон признает, что “несколько солдат бросились в Нил, чтобы найти в нем быструю смерть”. Откровенно говоря, и сам он не в восторге: “При высадке в Египте меня удивило, что от бывшего величия у египтян я нашел только пирамиды и печи для приготовления жареных цыплят”».

Но, несмотря ни на что, французские легионеры не потеряли своей боеготовности. Когда 13 июля 8-тысячное конное войско мамелюков напало на них у Шебриза, они отбили атаку, нанеся противнику жестокий урон, который поразил нападавших. После сокрушительного поражения мамелюкской конницы среди арабов, по словам В. В. Бешанова, распространилась такая версия: главный французский генерал, которого они называли Кебиром, «волшебник, а все его солдаты связаны невидимыми нитями и могут мгновенно и одновременно поворачивать в нужную сторону, когда он дергает эти нити». Надо сказать, что так оно и было, конечно же, не в буквальном, а в переносном смысле: Бонапарт был действительно искусным кукловодом, уверенно направлявшим свою армию на взятие Каира.

Трехцветное знамя над пирамидами

Узнав о неудачном сражении мамелюков у Шебриза, каирские беи и шейхи всерьез взялись за оборону города. Тысячи людей строили укрепления. Чтобы прокормить их, ввели специальный налог. Купцы делали пожертвования, а духовенство устроило шествие со знаменами, музыкой и молитвами.

Тем временем французская армия 19 июля достигла небольшого местечка Улем-Динара, что в 20 километрах от Каира. Здесь французы впервые увидели возвышающиеся у горизонта великие пирамиды. «Они казались тремя огромными скалами», – так напишет впоследствии о своем первом впечатлении об этих древнейших памятниках культуры Наполеон. Целый день был дан армии на отдых после изнурительного перехода по пустыне, а затем противники начали готовиться к бою. Мамелюки заняли позицию на левом берегу Нила, между селением Эмбабе и пирамидами. 20 июля французская армия снялась с бивуака. Перед началом решающего сражения с арабской конницей Бонапарт обратился к своим легионерам со словами: «Солдаты! Сорок веков смотрят на вас сегодня с высоты этих пирамид!» Оценивая важность этого призыва, английский историк А. Тойнби писал: «...Наполеон сознавал, что прикоснулся к струне, звук которой способен тронуть даже невежественное сердце самого грубого солдата... Можно быть уверенным, что Мурад-бей... и не подумал подбодрить своих нелюбопытных товарищей аналогичным напоминанием». Вторя ему, А. Иванов подчеркивает: «Своим призывом Бонапарт напомнил соратникам, что они – представители нации Вольтера и Руссо, что любой француз – философ и, кроме того, – еще и личность, делающая Историю!»

На рассвете 21 июля французская армия встретила авангард мамелюков Мурад-бея, который рассеялся уже после нескольких пушечных выстрелов. Но основные силы арабской конницы были впереди. Ее правый фланг, находившийся перед селением Эмбабе, состоял из 20 тысяч янычар, арабов и каирских ополченцев и имел на вооружении 40 пушек. В центре египетской армии был кавалерийский корпус из 12 тысяч мамелюков, имевших по 4⁵ слуг. Левый флаг, примыкавший к пирамидам, насчитывал до 8 тысяч арабов-бедуинов. Таким образом, в боевой линии протяженностью до шести километров находились более 60 тысяч человек и около трехсот египетских судов. Что же касается французской армии, то, по словам Наполеона, он располагал только 23 тысячами солдат. Жители Каира, впечатленные таким внушительным войском, собрались на правом берегу Нила, чтобы понаблюдать за решающей битвой. Весь город замер в ожидании, веря в победу своей многочисленной армии. О другом исходе сражения египтянам было страшно даже подумать: ведь они считали, что в случае поражения станут рабами европейцев.

Между тем Бонапарт оценивал ситуацию по данным своей разведки. Лагерь противника был защищен наспех вырытыми траншеями, которые могли служить препятствием только для кавалерии, тогда как его пехотинцы могли с ними легко справиться. А вот для арабской пехоты, неспособной из-за отсутствия порядка к боевым действиям на равнине, эти полевые укрепления представляли единственную защиту. Здесь были установлены пушки на морских лафетах, которые были неподвижными и не могли маневрировать. Таким образом, пехота и арабы, действующие на левом фланге, особой опасности не представляли. Исходя из этого, Наполеон решил, что главный удар следует нанести по корпусу мамелюков, находящемуся в центре.

Первой против мамелюков он выдвинул дивизию Дезе, за ней на некотором расстоянии проследовали дивизии Ренье, Дюгау, Виалья и Бона. Все подразделения двигались в полном молчании. Когда Мурад-бей догадался о намерении французов, то попытался помешать им завершить свой маневр. Он решил бросить свою кавалерию в атаку на французских пехотинцев, пока те были еще на марше. Мамелюкские всадники с быстротой молнии проскакали между дивизиями Дезе и Ренье и окружили их. Но Дезе успел перестроить своих солдат так, что

перегруппированные в пять колонн они составили каре длиной 300 метров по фронту и 50 метров вглубь. Внутри строя находилась кавалерия, а по флангам – артиллерия. Такую же перегруппировку сделал и маршал Ренье.

Сам Бонапарт находился в дивизии Дюбуа. Она заняла позиции между колоннами Дезе и Нилом, отрезая противника одновременно и от Эмбабе, и от реки. Такое расположение дало возможность открыть огонь из орудий в тыл мамелюкам. Вскоре, по словам А. Иванова, «пустынная равнина, покрытая редкими пальмами, стала ареной легендарного и экзотического боя, в котором стойкость и выучка солдат революционной Франции взяли верх над первобытным фанатизмом всадников Аллаха». Яростная схватка с арабской кавалерией продолжалась около часа. За это время поле сражения сплошь покрылось телами убитых и раненых. Некоординированные действия мамелюкских всадников не принесли им желаемых результатов: все их наскоки разбились о несокрушимые французские каре. В результате Мурад-бей был вынужден с тремя тысячами всадников отступить к Гизе по дороге в Верхний Египет. Оставшиеся за пределами каре мамелюки попытались укрыться в укрепленном лагере, но его атаковала дивизия Бона, а захват генералом Рампоном рва и дамбы прервал сообщение между Эмбабе и Гизой, отрезав арабам путь для отступления. Видя разгром своей кавалерии, арабские пехотинцы вышли из боя и бросились к Нилу, чтобы на небольших лодках или вплавь перебраться на другой берег. Часть из них спустилась по левому берегу реки и в сумерках разбежалась по пригородам Каира.

Пока шла битва на суше, французский речной флот, значительно уступавший египетскому по численности, медленно поднялся по Нилу. На его суда поднимали больных и раненых легионеров, а также тех, «которые не носили оружия... и не могли быть полезными в сражениях, и на лошадях коих можно было посадить несколько человек». Моряки сражались бок о бок с пехотинцами, особенно проявив себя в рукопашной схватке.

На следующий день Мурад-бей несколько раз пытался атаковать французские позиции. Он надеялся восстановить связь со своим укрепленным лагерем и облегчить отход тем, кто в нем остался. Но когда командир мамелюков понял, что сделать это уже невозможно, то приказал поджечь собственный флот, а сам ушел в Верхний Египет. Битва за Каир унесла немало жизней: потери египтян составили около 10 тысяч убитыми, ранеными, утонувшими и плененными. Они лишились всех своих пушек. Французы же потеряли всего 300 человек.

24 июля Наполеон торжественно вошел в Каир. С этого времени в течение трех лет над древними пирамидами Египта развевались трехцветные знамена Французской Республики, а жизнь египетской столицы была подчинена новому политическому режиму. Характеризуя организацию управления в завоеванной французами стране, академик Е. Тарле писал: «...во-первых, власть должна была быть сосредоточена в каждом городе, в каждом селении в руках французского начальника гарнизона; во-вторых, при этом начальнике должен находиться совещательный “диван” из назначенных им же наиболее именитых и состоятельных местных граждан; в-третьих, магометанская религия должна пользоваться полнейшим уважением, а мечети и духовенство – неприкосновенностью; в-четвертых, в Каире при самом главнокомандующем должен состоять тоже большой совещательный орган из представителей не только г. Каира, но и провинций. Сбор податей и налогов должен был быть упорядочен, доставка натурой должна быть так организована, чтобы страна содержала французскую армию за свой счет. Местные начальники со своими совещательными органами должны были организовать исправный полицейский порядок, охранять торговлю и частную собственность. Все земельные поборы, взимаемые беями-мамелюками, отменяются. Имения непокорных и продолжающих войну беев, бежавших к югу, отбираются во французскую казну».

Бонапарт и тут, как и в Италии, стремился покончить с феодальными отношениями, что было особенно удобно, так как именно мамелюки поддерживали военное сопротивление, и опереться на арабскую буржуазию и арабов-землевладельцев; эксплуатируемых же арабской

буржуазией феллахов он отнюдь не брал под защиту. Все это должно было закрепить основы безусловной военной диктатуры, сосредоточенной в его руках и обеспечивающей этот создаваемый им буржуазный порядок. Наконец, настойчиво провозглашаемая им веротерпимость и уважение к Корану были, кстати, настолько чрезвычайным новшеством, что российский Святейший синод, выдвинув, как известно, весной 1807 года тезис о тождестве Наполеона с «предтечей» антихриста, в виде одного из аргументов намекал на поведение Бонапарта в Египте: покровительство магометанству и т. п.

Но, несмотря на все усилия французского главнокомандующего, он так и не вызвал расположения со стороны местного населения ни к себе, ни к своим товарищам по экспедиции. Напуганные каирцы молча встретили завоевателя. Они ничего не слышали о Наполеоне, не понимали, кто он такой, для чего явился в их страну и почему воюет с ними. И хотя он даже издал специальное воззвание к египтянам, переведенное на местное наречие, с призывом к успокоению, ему не очень верили. Ведь это были лишь слова, а в действительности каирцы стали свидетелями расправ французов с местным населением. К примеру, по приказу Бонапарта было разграблено и сожжено село Алькам, жителей которого заподозрили в убийстве нескольких французских солдат. Но не только подобные карательные меры мешали найти ему общий язык с населением. Как оказалось, далеко не все арабы были восхищены тем «освобождением от тирании мамелюков», о котором он постоянно говорил в своих воззваниях к египетскому народу. По словам академика Тарле, «семена, брошенные им в опаленную солнцем почву, не давали всходов: земля еще не созрела для роста нови. Он провел ряд смелых реформ антифеодального характера, но не приобрел поддержки арабов».

Вскоре, по мнению того же Тарле, Бонапарт сам поймет, что, в отличие от Италии, его армия в Египте может рассчитывать только на узковоенные средства достижения успеха: «Социальный аспект войны оказался почти полностью исключенным. Это имело трагические последствия для французской армии: превратившись из армии освободительной, какой она в конечном счете была в Италии и намеревалась остаться на Востоке, в армию завоевателей, она стала неизмеримо слабее; при своей малочисленности и большой удаленности от основных баз она была обречена рано или поздно на поражение». Но первый камень в, казалось бы, столь успешно возводимую поначалу Наполеоном конструкцию завоевания Востока был брошен не арабами, а извечным противником Франции – Британией. И этот бросок оказался весьма ощутимым.

Гибель эскадры в Абукирском заливе

Пока окрыленный взятием египетской столицы Бонапарт занимался государственными преобразованиями в стране, адмирал Нельсон без устали продолжал поиски французской флотилии. Он обнаружил ее вечером 1 августа в двадцати милях к востоку от Александрии, в Абукирском заливе. Заметив неприятеля, французские моряки, большинство из которых в это время находилось на берегу, посчитали, что британцы вряд ли начнут их сразу атаковать – ведь до захода солнца оставалось не больше часа. К тому же у них была сильная позиция, а на ближайшем острове стояла огневая батарея.

Застигнутый врасплох адмирал Брюэйс после проведения оперативного совещания решает принять бой с опущенными якорями. По сигналу боевой тревоги всем шлюпкам, находившимся в Александрии, Розетте и на берегу, дана команда срочно вернуться на свои корабли, а экипажам транспортных судов явиться на линейные корабли по суше для усиления корабельных команд. Однако выполнить этот приказ успели не все. Британцы не стали ждать, пока французские моряки займут боевую позицию, а сразу же перешли в наступление. Часть британских кораблей смогла незаметно встать между французскими судами и берегом, а другая часть атаковала врага с моря. Таким образом французская флотилия попала под перекрестный огонь. Вот как описывает эти события А. Иванов: «Решительный Нельсон, приблизившийся с удивительной быстротой, бросает свои двенадцать линейных и маленький корвет против семнадцати французских судов (13 линейных и 4 фрегата). Половина его кораблей пущена между французской линией и берегом, другая половина атакует с моря. (В восемь вечера подоспели еще два английских корабля – герой начал сражение, не дожидаясь их!) Французские линейные «Герье», «Конкеран», «Спартиат» выведены из строя. Великолепный 120-пушечный флагман «Орион», так полюбившийся Бонапарту, расположенный в центре линии, наносит повреждения «Беллерофону», а английский «Маджестик» получает жестокие удары от 80-пушечного «Тоннана».

Последние успехи французов! Зажатые с двух сторон, они гибнут... Солнце скрывается за горизонт, бой продолжается при свете горящих парусных судов, и это корабли с флагами Французской Республики.

Брюэйс был ранен в голову и руку, но отказался спуститься в перевязочный пункт. В него попало еще одно пушечное ядро. Он приказал нести себя наверх: «Французский адмирал должен умереть на своем капитанском мостике!»

Огонь достиг арсенала, флагман взорвался, звук этого взрыва слышен даже в Каире. Было десять часов вечера.

Бой продолжался до трех утра. В пять часов он возобновился и закончился в три часа дня.

Конечный итог сражения был таков: Англия не потеряла ни одного корабля, хотя многие были повреждены. Английский флот еще раз показал, кто хозяин на море. Французы же лишились одиннадцати линейных кораблей и двух фрегатов. С их стороны – 1700 убитых и 1500 раненых.

Вильнев взял курс на Мальту с четырьмя кораблями (по два линейных и фрегата), уцелевшими в этом бою. Англичане же в этом сражении потеряли только 900 человек убитыми.

В результате этих событий к И часам утра 2 августа французский флот перестал существовать. Строки из письма французского журналиста и политика Жана Ламбера Тальена, бывшего очевидцем этой битвы, одному из членов Директории – Баррасу, лучше всего воссоздают те трагические события: «Несколько часов мы имели надежду остаться победителями; но когда корабль «Восточный» взлетел на воздух, то беспорядок распространился в нашей эскадре. По признанию самих англичан, все наши корабли хорошо дрались; многие неприятельские суда лишились мачт, но наша эскадра почти совершенно уничтожена. Ты довольно хорошо меня

знаешь для того, чтобы быть уверенным в том, что я не буду отголоском клеветы, которая спешит собрать самые нелепые слухи; я наблюдаю и удерживаюсь еще от произнесения решительного заключения. Все здесь в ужасном унынии, я завтра еду с этим известием в Каир к Бонапарте. Оно тем более его огорчит, чем менее ему бы следовало ожидать оно: он, конечно, приищет средства, чтобы исправить столь великую потерю. По крайней мере, для предупреждения, чтобы сие бедствие не сделалось пагубным для армии, им предводительствуемой».

Кстати, стоит заметить, что и Абукир и все последовавшие впоследствии крупные сражения, закончившиеся для Наполеона поражением, – «вечернее Маренго» и Фридланд – начались именно в пять часов пополудни. Что это: простое совпадение или подсказка свыше, не услышанная великим полководцем?

А пока сразу же после сражения Нельсон послал сообщение о «славной битве в устье Нила» и «великой победе» в Бомбей, и вскоре уже многотысячные толпы встречали его в Неаполе как триумфатора. Ему было что праздновать, ведь осуществленный им сокрушительный разгром французской эскадры стал началом провала египетского похода Наполеона. Лишенный поддержки флота, оторванный от Франции, он был уже, по сути, обречен на поражение.

«Мы здесь надолго. Возможно, навсегда»

Об Абукирской катастрофе Наполеон узнал только две недели спустя от курьера, посланного Клебером. Как и предполагал Тальен, он не впал в уныние, а напротив, постарался воодушевить свою армию, обратившись к ней со словами: «Ну что ж, теперь мы вынуждены совершать великие подвиги, и мы их совершим, основать великую империю – и она будет нами основана. Моря, на которых мы более не господствуем, отделяют нас от родины; но никакие моря не отделяют нас ни от Африки, ни от Азии. Нас много, у нас не будет недостатка в людях для пополнения рядов. Мы здесь надолго. Возможно, навсегда. У нас много времени, мы можем спокойно обдумывать свои предприятия, заниматься управлением и науками».

С этой целью Наполеон организует в Каире Институт, который по его замыслу должен был стать аналогом французскому. Первое его заседание под председательством видного физика Гаспара Монжа состоялось 23 августа 1798 года. На нем Бонапарт предложил ученым обсудить ряд проблем, разных по значимости, но весьма актуальных: строительство печей для обеспечения армии хлебом, использование местных растений вместо хмеля при изготовлении пива, возможные средства для очистки Нила, постройка ветряных мельниц, способы производства пороха, состояние законодательной системы Египта.

Под руководством Института ученые, которых Наполеон предусмотрительно отобрал для участия в египетской экспедиции, разворачивают широкую и многогранную работу. Судя по их отчетам и протоколам собраний, они исследовали географию, геологию, минералы, флору и фауну Египта, в многочисленных поездках по регионам изучали его историю, демографию, проблемы здоровья нации. В рамках Института была создана комиссия по изучению современного состояния страны, которая объезжала провинции и систематически собирала сведения о топонимике, демографии, культуре, торговле, промышленности, состоянии путей сообщения, качества воды и воздуха, особенностях животного и растительного мира. В частности, проводилось масштабное изучение нильских рыб и минералов Красного моря, растений дельты Нила, состава песков пустыни, натриевых озер и нильского ила, системное описание ракообразных и насекомых.

Изучение собранных образцов и работа по их классификации приносили как научные, так и практические плоды. Именно в Египте французскими учеными были сделаны важные открытия, сформулированы интересные гипотезы. К примеру, физик Гаспар Монж, опираясь на законы преломления и отражения света, дал объяснение такому удивительному явлению, как миражи, химик Бертолле исследовал свойства каустической соды, которую древние египтяне использовали при мумификации, а зоолог Этьен Жофруа Сент-Илер на основе изучения нильской фауны сделал вывод о том, что три слуховые косточки в черепе млекопитающих – это не что иное, как видоизмененные жаберные дуги рыб.

Заботясь о здоровье как местного населения, так и французской армии, ученые многое сделали и в области медицины. В книге А. Иванова «Тайны египетской экспедиции Наполеона» можно найти такие примеры их лечебной деятельности: «Главный хирург экспедиции великий гуманист Доминик Ларрей, человек-легенда наполеоновской армии, и доктор Деженетт вместе с другими медиками организовали госпитали в Александрии, Розетте, Дамiette, Каире и исследовали причины чумы и страшной трахомы, от которой слеpla половина населения Египта.

Многие солдаты и ученые пострадают от этой болезни. Заметно ослабнет зрение у молодого Даву, будущего маршала.

Одного Наполеона ничто не берет. Когда он вернется в Париж, один журналист напишет: «Бонапарт оказался, пожалуй, единственным сохранившим здоровье офицером Египет-

ской армии. На вид хрупкого телосложения, он наделен исключительной физической и моральной силой»».

Однако наибольшее число открытий и находок, конечно же, пришлось на долю археологов, архитекторов и искусствоведов. Архитекторы и археологи досконально изучили строительное искусство арабов и эпохи Птолемеев – великолепные храмы в Дендере, Ид фу, Амбосе, Филэ. В Каире они исследовали уникальные мечети, бани, покрытые арабесками здания времен халифов. Все постройки были богато украшены резьбой по дереву, изразцами, мозаикой. Они выявили определенную закономерность в расположении архитектурного достояния страны. В связи с тем что в Нижнем Египте господствует сырость, которая разрушает камни, в Танисе, Пелузии и Саисе не осталось ни одной целой постройки древних времен, а лишь холмы мусора. А вот в Среднем и Верхнем Египте, где, напротив, всегда сухо, находится множество хорошо сохранившихся памятников древности.

Иногда замечательные археологические находки делались случайно. Так, однажды Бонапарт, находясь среди развалин Пелузии, приподнял ногой несколько камней и вдруг увидел прекрасную вещицу. То была камея императора Августа, высоко оцененная учеными. Сначала он отдал ее генералу Андреосси, но потом взял назад и позднее подарил своей супруге Жозефине. А офицер Сулковский нашел на берегу Нила бюст богини Изиды. Но самой ценной оказалась находка капитана Бушера, сделанная им 19 июля 1799 года: при производстве земляных работ вблизи города Розетты он обнаружил черный камень, на котором были начертаны древнеегипетские надписи. Двадцатью годами позже этот знаменитый черный камень позволил ученому Шампольону расшифровать иероглифы.

Французские археологи, конечно же, особое внимание уделяли знаменитым египетским пирамидам. Они сделали подробные замеры больших и малых пирамид Гизы, вели раскопки не только на поле пирамид в Каире, но и в Фивах, в Долине царей, в Луксоре, в Карнаке, в Розетте и Пелузии. Все их находки впоследствии хранились в доме или в саду «султана Кебира» – так называли Бонапарта египтяне. С обследованием пирамид связано немало загадок. Одна из них – побывал ли в этих древнейших захоронениях сам Наполеон? Мнения исследователей на этот счет неоднозначны. Одно из них, за прошедшие два столетия превратившееся, по сути, в легенду, воссоздает это посещение во всех деталях. Итак, как-то раз выслушав очередного рассказчика, поведавшего о тайнах египетских пирамид, Бонапарт рассмеялся и заявил, что сам посетит самую большую из них – пирамиду Хеопса. Далее современники рассказывали: «На следующее утро будущий император действительно в окружении своих старших офицеров прибыл к пирамиде Хеопса и потребовал от служителей, чтобы его ввели внутрь и все показали. От их настойчивых попыток отговорить его не делать этого Наполеон начал впадать в ярость. Испугавшись, служители ввели его в так называвшуюся «королевскую комнату-усыпальню», оставили одного и тут же вышли наружу, к восседавшим на конях офицерам. Наполеон появился минут через двадцать. От его нетерпеливой горячности не осталось и следа. Лицо его было пепельно – серым, глаза безжизненно тусклыми, глядящими в землю. Не отвечая ни на какие вопросы, он трясущейся рукой поймал повод коня, с трудом влез в седло и молча потрусил в свой штаб. Офицеров томило любопытство.

Что там случилось такое с бесстрашным полководцем в этой проклятой пирамиде, что он весь день сидит сам не свой, не ест, не пьет, не разговаривает? Уже вечером адъютант капитан Жере все же осмелился обратиться к Наполеону с вопросом, не вызвать ли ему врача и не поделится ли он тем, что так сильно угнетает его дух? Подошли рядом стоящие офицеры, среди них врач, окружили Наполеона. Внезапно, Наполеон закрыл ладонями глаза и, медленно покачиваясь из стороны в сторону, с глухим стоном воскликнул: «О, Господи! Да зачем это нужно! Ведь все равно не поверите!» Через несколько секунд он пришел в себя, молча кивнул офицерам и удалился в спальню. Разговора этого больше никогда не начинали, и тайна увиденного в пирамиде Хеопса умерла с развенчанным императором Франции в 1821 году».

Есть еще более невероятное предположение о том, что Наполеон якобы пробыл в подземелье три дня, которые пролетели для него как три часа. Хотя историками оно воспринимается скорее как занимательный анекдот, какие-либо достоверные свидетельства того, что будущий император не спускался в погребальную камеру фараона, тоже отсутствуют. Единственным доводом тех, кто опровергает рассказ о его пребывании внутри пирамиды, является то, что сам Наполеон, любивший рассказывать об интересных случаях во время этой экспедиции, лишь коротко упоминает о посещении пирамид. Впоследствии это послужило Гете основанием для того, чтобы утверждать: «...то, что он спускался в пирамиды – миф. Он спокойно стоял на свежем воздухе и слушал рассказы тех, кто побывал в подземельях». Но как Гете может быть в этом уверен, если сам при этом не присутствовал? Единственным достоверным фактом, по словам А. Иванова, является то, что Бонапарт сам «посмотрел вблизи и замерил великие пирамиды. Он провел в этом районе несколько дней и совершил поездки по пустыне в направлении Малого оазиса».

Современники Наполеона из уст в уста передавали еще один занимательный рассказ, окутанный неким мистическим флером. «Бонапарт потребовал вынести ему саркофаг с телом Рамсеса Великого. “Вам любопытно, мой генерал?” – спросил Жюно. “Я хочу посмотреть на человека, которого даже его враги считали богом, на великого фараона, жившего за пять столетий до Эллады и за тысячу лет до Рима”. Немного помолчав, произнес: “Египтяне – самый великий народ из живших когда-то на этой Земле – только у них Смерть не была всемогуща! Они лишили ее первородного права глумиться над лицами самых красивых женщин и самых великих правителей! Бросить смерти вызов... Как эти пирамиды. О фараонах будут помнить вечно!” Из тайного зала дворца Султана вынесли открытый саркофаг с мумией Рамсеса. Как велел Бонапарт, его поставили, прислонив к полуразрушенной стене древнего храма... Мумия была как живая! “Господи, мне кажется, он дышит!” – произнес Бонапарт, давно я не слышал от него имени Создателя. Бонапарт встал перед мумией, скрестив руки на груди, почти так же, как египтяне скрещивали руки своим умершим властителям. Так, под палящим солнцем Востока Бонапарт, не проронив ни слова, смотря прямо в лицо мертвого великого фараона, простоял почти два часа». Было это или не было – неизвестно. Но может быть именно тогда, в Египте великий французский полководец таким образом «заглянул в глаза Вечности»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.